

**ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии  
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)  
gyla4@yandex.ru

## КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА\*

Актуальность и новизна исследования определяются неизученностью состава и стилистических функций количественно-именных сочетаний в поэтическом творчестве А. С. Пушкина. Проведенный анализ показывает, что числовые компоненты в составе этих конструкций выполняют в лирических произведениях поэта не только информативную, но и жанрообразующую и экспрессивно-оценочную функции. Употребление сочетаний с числительными указывает на их востребованность в фольклорных стилизациях («Песни западных славян» и др.), а также в контекстах, указывающих на время и количество лиц. Оценочные смыслы (хорошо / плохо) могут выражаться количественно-именными сочетаниями имплицитно, в связи с чем для их понимания необходим учет более широкого контекста, логических и синтагматических presuppositions поэтического высказывания.

Ключевые слова: количественно-именные сочетания, стилистические функции, поэтический язык, А. С. Пушкин

Для цитирования: Дьячкова И. Н. Количественно-именные сочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 77–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.389

### ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике количественно-именное сочетание обычно определяется как словосочетание, образованное количественным числительным и существительным в форме родительного падежа. Вместе с тем в роли первого компонента в этой конструкции может также использоваться неопределенно-количественное числительное (*много, немало*), местоименное числительное (*сколько, несколько*), существительное с количественным значением (*тройка, десяток*), а также существительное со значением неопределенного количества (*масса, уйма, пропасть*).

Изучение такого рода конструкций в текстах, далеких от «чистой» информативности, – публицистике и художественной речи, – не единожды привлекало внимание исследователей. По замечанию И. Б. Голуб, постановка вопроса об экспрессивности числительных может на первый взгляд показаться необоснованной, поскольку «за ними закрепилась репутация самой “сухой”, лишенной каких бы то ни было эмоциональных красок части речи» [2]. Хотя работы, посвященные данной проблематике или связанные с ней, в целом немногочисленны, тем не менее все они свидетельствуют о том, что числительные и сочетания с ними обладают значительным стилистическим потенциалом в публицистических и художественных произведениях [4], [5], [6], [8], [9], [10], [11], [12], где они могут выступать сразу в нескольких функциях.

По мнению Н. М. Ким, в такого рода текстах «высказывания с именами числительными могут содержать два семантических

уровня: поверхностный, на котором лексемы имен числительных манифестируют определенно-количественные или определенно-порядковые значения, и глубинный, на котором обнаруживается имплицитный количественно-оценочный смысл и дается оценка названного количества как значительного или незначительного» [6: 38]. Кроме того, числительные играют важную роль в создании различных средств выразительности [6], могут выполнять композиционную функцию (то есть организовывать композицию произведения или текстового фрагмента [12]), способны воскрешать архаичные, мифопоэтические, значения чисел [4], [11], [12] и в отдельных случаях даже наделяться собственно авторскими смысловыми характеристиками.

Однако «языковые особенности счетных слов таковы, что им предоставлены языковой системой ограниченные возможности для превращения в выразительные поэтические знаки» [11: 621], поэтому актуализация дополнительных стилистических и символических коннотаций в их случае может осуществляться только в контексте. Таким образом, самостоятельное рассмотрение стилистических функций числительных – в отрыве от других слов, в особенности тех, которые связаны с ними непосредственно, – невозможно. Для выявления подобных значений нужны специальные «текстовые операторы» (О. Г. Ревзина), «контекстные партнеры» (А. А. Ким) нумеративов. Этим объясняется наше обращение к анализу сочетаний с числительными.

### СОСТАВ И ФУНКЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Количественно-именные сочетания в лирике А. С. Пушкина привлекли наше внимание не случайно: актуальность этого грамматического средства для языка его поэтических произведений стала очевидна для нас во время работы над базой данных для «Синтаксического словаря русской поэзии», проекта, который в течение уже нескольких лет создается на кафедре русского языка под руководством проф. Н. В. Патроевой<sup>1</sup>.

Оговоримся, что такого рода употребления в творчестве поэта известны каждому из нас даже на уровне хрестоматийных цитат, большей частью, конечно, из пушкинских сказок, но см. и стихотворные примеры: *Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу...* («Два чувства дивно близки нам...» (1830)) или *Тьмы низких истин нам дороже / Расковыривший обман...* (Герой (1830)).

Любопытно, что в качестве развернутого примера использования числительных в «Стилистике» И. Б. Голуб приводится именно пушкинское произведение – эпизод из повести «Пиковая дама».

Целью нашей работы стал анализ состава и грамматико-функциональных свойств количественно-именных сочетаний в лирике Пушкина, включающих только количественные числительные. Из выборки была исключена наряду с лексемами *много, мало, столько, сколько* и счетными существительными номинация *один*, поскольку в подавляющем большинстве зафиксированных нами конструкций она употреблялась в переносном значении, и – на тех же основаниях – лексема *тысяча*.

Источником языкового материала послужил Национальный корпус русского языка, из которого было извлечено 178 количественно-именных сочетаний, употребляющихся в стихотворениях А. С. Пушкина 1813–1836 годов.

Лексический состав числовых компонентов выделенных конструкций достаточно разнообразен и включает в себя 21 лексическую единицу. Из них наибольшее количество употреблений приходится на числительные первого десятка, что вполне закономерно для лирического текста: *два* (72 конструкции), *три* (47), *пять*, *шесть*, *восемь* (по 5 раз каждое), *семь* (4), *девять*, *десять* (по 1 разу), итого – 140 словосочетаний, что составляет 78 % употреблений от общего количества зафиксированных конструкций. Далее на шкале частотности занимают место лексемы *сто* (9 раз), *сорок* (7 раз) и *двадцать* (5 раз). Числительные второго десятка и номинации *тридцать*, *шестьдесят*, *семьдесят* отмечаются единично. Аналогичной частотностью характеризуются также лексемы *двести* и *пятьсот*.

Анализ субстантивного компонента исследуемых сочетаний отражает «временную» доминанту в их совокупном значении и демонстрирует востребованность таких лексем, как *мгновенье, час, год, день, ночь, неделя, лето* ('время года'), *весна*.

...Вновь я посетил  
Тот уголок земли, где я провел  
Изгнанником два года незаметных.  
Уж десять лет ушло с тех пор – и много  
Переменилось в жизни для меня...

(«Вновь я посетил», 1835).

Их цель – указать на определенный промежуток времени, который прошел с отмеченного в лирическом повествовании момента, реже – на возраст лица, упоминаемого в стихотворении.

По-видимому, близкое к данному значение выражают конструкции с существительным *раз* (*сто раз, три раза* – 8 употреблений), которые обнаруживают связь со временем посредством счета ситуаций / действий, подчеркивающих не одновременность происходящего. «*Два, три раза, и пять, и шесть / Он (граф. – И. Н.) хочет надпись перечесть; / Несчастный силится напрасно*» (пример из пушкинского перевода поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»).

На втором месте по частотности употребления у Пушкина в представленных сочетаниях, по нашим наблюдениям, находятся номинации лиц – реальных (*шесть друзей, два милые сыночки, два брата, две сестрицы, две бабы, три красавца, сотни три мерзавцев, 12 молодых, трех Матрен*) или вымышленных (*два бесенка, двух бесов, две музы*).

Реже в лирическое повествование вводится счет других объектов: *два озера, два скелета, два рога, три бутылки, три комнатки, три сосны, три ключа, семью пулями, сорок ружей, двести стрел, в шестнадцати томах, пять сот рублей* и др. Нужно отметить, что второй компонент во всех зафиксированных сочетаниях этой группы лексически уникален, примеры также показывают, что их варианты проблематично подвести под какую-либо единую тематическую рубрику.

Формальный анализ словосочетаний, зафиксированных в стихотворных произведениях Пушкина, не выявил существенных отличий от их синтаксических функций или морфологического облика в современном русском языке. Единственное исключение здесь, по-видимому, составляют сочетания, включающие атрибутив, где Пушкин по сложившейся еще в XVIII столетии традиции [3: 77] с существительными всех родов использует только форму Им. п. (!): *два милые сына, два равные лица, два могучие бей, два красные лета, два чудесные творенья*.

Переводя рассматриваемый в статье вопрос из плоскости языка в плоскость авторской речи, в первую очередь остановим внимание на жанрово-стилистической обусловленности употребления конструкций с числительными. Как показывают наши наблюдения, в подавляющем большинстве случаев особые условия для проникновения в язык произведения количественно-именных сочетаний создаются, если в тексте ярко выражено эпическое начало («Будрыс и его сыновья», 1833 г.; «На Испанию родную...», 1835 г.; «Альфонс садится на коня...», 1836 г.; «Родословная моего героя», 1836 г.) и / или автор пытается

воспроизвести стилистику фольклорных источников. Последняя особенно проявляет себя в цикле стихотворений «Песни западных славян» (1834), где повествование густо насыщено числительными:

В пещере, на острых камнях  
Притаился храбрый гайдук Хризич.  
С ним жена его Катерина,  
С ним его два милые сына,  
Им нельзя из пещеры выйти.  
Стерегут их недруги злые.  
Коли чуть они голову подымут,  
В них прицелятся тотчас сорок ружей.  
Они три дня, три ночи не ели,  
Пили только воду дождевую,  
Накопленную во впадине камня.

Как видим, подражание народной речи, пушкинское «чувство сообразности» объясняют здесь и наличие символических в плане значения числовых лексем (*сорок, три*)<sup>2</sup>, и включение лексического повтора, имитирующего фольклорную ретардацию, которые вкуче с особым ритмом, порядком слов, лексическими вкраплениями народного языка создают лирическое произведение, в котором, по оценке В. В. Виноградова, поэт гениально воспроизводит стили народной поэзии<sup>3</sup>.

Типичным стилистическим приемом в этих лиро-эпических текстах, по нашим наблюдениям, нередко становится многократное употребление вариантных количественно-именных сочетаний с одним и тем же числовым наполнением, где повторяющийся счетный компонент выступает важнейшей композиционной скрепой:

Три у Будрысы сына, как и он, три литвина.  
Он пришел толковать с молодцами.  
«Дети! седла чините, лошадей проводите,  
Да точите мечи с бердышами.  
Справедлива весть эта: на три стороны света  
Три замышлены в Вильне похода.  
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,  
А на русских Кестут воевода.  
Люди вы молодые, силачи удалые  
(Да хранят вас литовские боги!),  
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;  
Трое вас, вот и три вам дороги <...>».  
(Будрыс и его сыновья, 1833)

Отметим, что количественно-именные сочетания у Пушкина выполняют не только жанрообразующую функцию. Так, интересно рассмотреть функционирование конструкций с числительными в не связанных с фольклором лирических текстах, где они определяют смысловое поле «время».

Например, время как возраст может получать авторскую оценку «хорошо» или «плохо» в зависимости от качеств, которые определяют героя стихотворения. Так, в произведении «Кокетка» (1821) достаточно грубое напоминание лирического героя своей знакомой о ее возрасте (грубость замечания усиливается повтором): *Послушайте: вам тридцать лет, / Да, тридцать лет – не многим боле...* – это и выражение раздражения, и желание сорвать маску неестественности с лица взрослой женщины, разыгрывающей невинность.

Послушайте: вам тридцать лет,  
Да, тридцать лет – не многим боле.  
Мне за двадцать; я видел свет,  
Кружился долго в нем на воле <...>  
Остепенясь, мы охладели,  
Некстати нам учиться вновь.  
Мы знаем: вечная любовь  
Живет едва ли три недели...

Имплицитно оценка «плохо» выражается в этом фрагменте также в упоминании про *три недели*, которые живет *вечная (!) любовь*. Эта оценка актуализируется в данном случае не только благодаря семантическому противопоставлению указанных оборотов, но и посредством пресуппозиции высказывания – оценочной шкале, опирающейся на знание, что любовь, живущая три недели, – это не любовь и что думать так – дурно. Таким образом, при кажущейся внешней нейтральности высказывание с количественно-именным сочетанием в действительности становится выразителем едкой иронии лирического героя по отношению к женщине, с которой он ведет воображаемый диалог (об участии числительных в формировании категории комического см.: [1]).

## ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает актуальность использования количественно-именных сочетаний в произведениях художественного стиля, и в частности в языке поэтических произведений А. С. Пушкина. Числовые показатели в составе этих конструкций выполняют не только информативную, но и жанрообразующую и экспрессивно-оценочную функции. Использование сочетаний с числительными указывает на их востребованность в фольклорных стилизациях («Песни западных славян» и др.), а также в контекстах, указывающих на время и количество лиц. Оценочные смыслы (хорошо / плохо) могут выражаться количественно-именными сочетаниями имплицитно, для их понимания необходим учет более широкого контекста и различных пресуппозиций высказывания.

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168).

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Первый и второй тома словаря были посвящены синтаксису А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова – см.: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 576 с.; Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с.

<sup>2</sup> Известно, что сюжеты некоторых текстов «Песен...» Пушкин заимствовал из книги П. Мериме «Гюэла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине», которая вышла в свет в 1827 году. Однако исследования показывают, что стилистически нейтральные прозаические тексты Мериме поэт подвергал последовательной правке. Так, «нейтральная французская лексика последовательно заменяется у Пушкина простонародными словами,

характерными для русского фольклора. Например: *chambre* (комната) – палаты; *esclave* (раб) – холоп; *il dit* (сказал) – молвил; *sans argent* (без денег) – промотался. Пушкин вводит фольклорные постоянные эпитеты, отсутствующие у Мериме: птенцов горемычных; Радивой окаянный; конь ретивый; беда неминуча и т. п. <...> Числа также заменяются числами эпическими (вместо десяти – «три», вместо десятерых – «семерых» и т. п.). В результате нейтральный книжный стиль Мериме превращается в стиль экспрессивный, носящий ярко выраженный фольклорный характер» [7: 151].

<sup>3</sup> О символике числа в мифах и фольклоре см., напр.: Багаев Е. Г. О некоторых числовых символах // *Русская речь*. 1997. № 2. С. 72–75; Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // *Структура текста*. М.: Наука, 1980. С. 3–58.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусенская Л. А. Комическая экспрессия числовых форм // *Русский язык в школе*. 1994. № 1. С. 76–78.
2. Голуб И. Б. *Стилистика русского языка: Учеб. пособие*. М.: Рольф: Айрис-пресс, 1997. 448 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения 23.06.2019).
3. Дьячкова И. Н. Числительные в русском литературном языке XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 236 с.
4. Зубова Л. В. Грамматика и семантика числа в современной поэзии // *Логический анализ языка: числовой код в разных языках и культурах*: Сб. ст. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. С. 373–384.
5. Ким А. А. Формирование оценочного значения у определенно-количественных числительных в речи // *Вестник Таганрогского педагогического института им. А. П. Чехова. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2008. № 1. С. 34–37.
6. Ким Н. М. Использование имен числительных в фигурах речи // *Вестник Таганрогского педагогического института им. А. П. Чехова. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2008. № 1. С. 37–40.
7. Муравьева О. С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» // *Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом)*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 11. С. 149–163.
8. Орлицкий Ю. Б. Цифровые стихи в новейшей русской поэзии // *Логический анализ языка: числовой код в разных языках и культурах*: Сб. ст. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. С. 400–412.
9. Патроева Н. В. *Стилистика художественной речи: Учеб. пособие*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 215 с.
10. Ревзина О. Г. Категория числа в поэтическом языке // *Актуальные проблемы русской морфологии*. М.: МГУ, 1988. С. 66–79.
11. Ревзина О. Г. Число и количество в поэтическом языке Марины Цветаевой // *Лотмановский сборник*. М., 1995. № 1. С. 619–641.
12. Толстошеева Л. Ю. Семантика количества в поэзии В. В. Хлебникова: лексический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 20 с.

Поступила в редакцию 09.07.2019

Irina N. Dyachkova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University  
(Petrozavodsk, Russian Federation)

### QUANTITATIVE-NOMINAL COMBINATIONS IN ALEXANDER PUSHKIN'S POETIC LANGUAGE\*

The relevance and novelty of the study are determined by the fact that the composition and stylistic functions of quantitative-nominal combinations in the poetic works of Alexander Pushkin have not been studied. The analysis shows that the numerical components of these constructions perform not only informative, but also genre-forming and expressive-evaluative functions in the lyrical works of the poet. The use of combinations with numerals indicates the demand for them in folklore stylizations (*Songs of the Western Slavs*, etc.), as well as in the contexts indicating the time and number of persons. Evaluative meanings (good / bad) can be expressed by quantitative-nominal combinations implicitly, therefore, for their understanding it is necessary to take into account the broader context, the logical and syntagmatic presuppositions of poetic utterance.

Keywords: quantitative-nominal combinations, stylistic functions, poetic language, A. S. Pushkin

\* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 17-04-00168 “Syntactic dictionary of Russian poetry of the XIX century”).

Cite this article as: Dyachkova I. N. Quantitative-nominal combinations in Alexander Pushkin's poetic language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 77–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.389

## REFERENCES

1. Brusenskaya L. A. Comic expression of the numerical forms. *Russian Language in School*. 1994. No 1. P. 76–78. (In Russ.)
2. Golub I. B. *Stylistics of the Russian language: Textbook*. Moscow, 1997. 448 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (accessed 23.06.2019). (In Russ.)
3. Dyachkova I. N. Numerals in the Russian literary language of the XVIII century. Petrozavodsk, 2010. 236 p. (In Russ.)
4. Zubova L. V. Grammar and semantics of number in modern poetry. *Logical analysis of language: numerical code in different languages and cultures*. Moscow, 2014. P. 373–384. (In Russ.)
5. Kim A. A. Formation of the evaluative meaning of definite-quantitative numerals in speech. *Bulletin of Anton Chekhov Taganrog Pedagogical Institute. Series “Humanities”*. 2008. No 1. P. 34–37. (In Russ.)
6. Kim N. M. The use of numerals in figures of speech. *Bulletin of Anton Chekhov Taganrog Pedagogical Institute. Series “Humanities”*. 2008. No 1. P. 37–40. (In Russ.)
7. Muravjova O. S. Observations on the *Songs of Western Slavs*. *Pushkin: Research and materials*. Leningrad, 1983. Vol. 11. P. 149–163. (In Russ.)
8. Orlicskiy Yu. B. Digital poems in the newest Russian poetry. *Logical analysis of language: numerical code in different languages and cultures*. Moscow, 2014. P. 400–412. (In Russ.)
9. Patroeva N. V. *Stylistics of artistic speech: Textbook*. Petrozavodsk, 2018. 215 p. (In Russ.)
10. Revzina O. G. Category of number in poetic language. *Actual problems of Russian morphology*. Moscow, 1988. P. 66–79. (In Russ.)
11. Revzina O. G. Number and quantity in the poetic language of Marina Tsvetaeva. *Lotman Collection*. Moscow, 1995. No 1. P. 619–641. (In Russ.)
12. Tolstosheeva L. Yu. The semantics of number in Velimir Khlebnikov's poetry: lexical aspect: Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). St. Petersburg, 2012. 20 p. (In Russ.)

Received: 9 July, 2019